

СТАНИСЛАВ СТЕНГАЗЕТОВ

Подозрительные
ящики!
Ночные посе...
носетители!
Шумит...
Следить!

КВ. 5

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ
ТЕХНИКА —
НА СЛУЖБУ
НАРОДУ!

Журнал
наблюдений

ТЁТЯ КЛАВА

ПРОТИВ

ЭВМ

БДИТЬ
ЗНАЧИТ
ЖИТЬ!

УЧИТЕЛЬ ★ 1985

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Станислав Стенгазетов

Тётя Клава против ЭВМ

<https://litres.ru/74603142>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1985 год. Новый жилец таскает подозрительные ящики, принимает ночных посетителей и что-то мастерит за запертой дверью. Тётя Клава, ветеран обороны Москвы и гроза жилтоварищества, уверена: враг разоблачён!

Учитель математики Семён Петрович мечтает лишь спокойно дожить до пенсии и получить отдельную квартиру. Но соседская бдительность превращает его жизнь в настоящий детектив.

В дело вмешиваются участковый, школьники и загадочный инженер. А когда тайна наконец раскрывается, выясняется, что самая большая опасность для государственной разработки — вовсе не иностранные шпионы.

И кто теперь спасёт положение — милиция, общественность или старый учитель с логарифмической линейкой?

Содержание

Глава 1. Маленькая страна	4
Глава 2. Человек с ящиками	10
Глава 3. Журнал наблюдений	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Станислав Стенгазетов

Тётя Клава против ЭВМ

Глава 1. Маленькая страна

Коммуналка на Пятницкой просыпалась по законам, которые не были записаны ни в одном документе, но исполнялись строже конституции. Семён Петрович Гуревич, прослуживший в этой маленькой стране тридцать с лишним лет и знавший её устройство до последнего паркетного скрипа, давно мысленно оформил эти законы в аксиомы — по профессиональной привычке, не иначе.

Аксиома первая: чужое пальто не вешать ниже своего. Аксиома вторая: к колонке утром — по очереди, и очередь эта известна каждому лучше таблицы умножения. Аксиома третья: чужой крючок для полотенца неприкосновенен, как государственная граница.

В шесть двадцать, по часам «Победа» — которые ходили, как его ученики: с задержкой, но верно, — Семён Петрович открыл глаза и первым делом услышал, что страна уже бодрствует. За стенкой радиола третий раз за утро выводила «Учкудук», и он мысленно перевёл это на язык алгебры: дано — сосед за стенкой, колонка занята, радиола громкая; найти — способ незаметно умыться, выпить чай и уйти в школу, не

вступив ни в одну перепалку. Задача со звёздочкой, но решаемая. Он решал такие каждое утро последние полгода — ровно столько оставалось до пенсии, и каждое утро должно было пройти тихо. Тихо — это было главное слово.

— Деда! — Из-за ширмы, где ночевал гостивший у деда внук, раздался приглушённый металлический звон. — Деда, а почему в будильнике спираль, если время — величина непрерывная?

Семён Петрович приподнялся на локте. На табуретке у Пашиной раскладушки лежал будильник «Слава» — вернее, то, что от него осталось: корпус, циферблат и аккуратная горка винтиков, разложенная по величине, как экспонаты.

— Паша, — сказал Семён Петрович ровно, как говорил на уроке, когда вопрос был хорош, а момент — неподходящий. — Спираль там потому, что время непрерывно, а завод — конечен. Собери.

— Я чиста исследовательски, — обиделся Паша. — Я же верну всё на место. Вот тебе крест... — он осёкся, вспомнив, что крестов в доме деда не полагалось. — Вот тебе теорема Пифагора.

На кухне, как и следовало ожидать, ждала очередь. Колонка с холодной водой — единственная на пять семей — по понедельникам переживала час пик, а газовая колонка-«добавочная» над ванной грела воду с таким свистом, будто жаловалась на судьбу. Семён Петрович встал в конец коридора, прижав к груди полотенце и мыльницу, и принялся ждать,

размышляя о том, что очередь к колонке — самый честный институт этой страны: тут не бывало ни блата, ни внеочередников, даже тётя Клава со своей медалью «За оборону Москвы» стояла как все.

Полотенце своё он обнаружил не на месте. На его крючке, третьем от окна, висело чужое — розовое, с петухами, а его, выцветшее синее, перекочевало на гвоздик пониже, в зону, которую по неписаному праву занимал шиншилловый воротник Савельевых.

— Так, — сказал Семён Петрович вслух, но тихо. — Контрпример.

Аксиома третья пала. Впрочем, падение аксиомы он переживал достойно: сорок лет назад, когда в школе погибла его любимая теорема из-за одного-единственного контрпримера, он понял главное — теория теорией, а умыться надо. Он взял своё полотенце с чужого гвоздика, перевесил розовое с петухами на его законное место, разумно рассудив, что владелица петухов — невестка Савельевых — явно не враг народа, а просто не в курсе конституции, и встал к колонке, когда очередь дошла.

Вода была ледяная, мартовская, московская. Он умывался быстро, по-армейски, и думал не о воде и не о петухах, а о том, что в ЖЭКе ему на прошлой неделе снова сказали: «В следующем пакете, Семён Петрович. Вот-вот». Третий квартал подряд — «вот-вот». Двухкомнатная в Строгине. Своя кухня. Место, куда Паша мог бы приезжать не на выходные

за ширму, а нормально, по-человечески, с собственным углом для винтиков.

Характеристика от жилтоварищества — вот на чём всё держалось. А характеристика держалась на том, что было и чего не было в доме: на добрососедстве, на дежурствах и — главное — на отсутствии скандалов. Слово «скандал» Семён Петрович произносил про себя так, как взводный произносит «огонь»: коротко и с опаской. Полгода. Всего полгода тишины — и Строгино. Он досидит. Он досидит, если страна не устроит революции.

Чай он пил на кухне, из своей чашки с отбитой ручкой, заварив в алюминиевом чайнике, который пережил у него три ремонта и одну переклейку. Сушки из хлебницы он макал аккуратно, без крошек — крошки на общей кухне были статьёй два, параграф первый: «кто накрошил, тот и подметает». Паша, уже одетый, сидел напротив и собирал будильник обратно, и от этого зрелища у Семёна Петровича тепло что-то под пиджаком: мальчик держал отвёртку точно так же, как сорок лет назад держал её один его ученик... Впрочем, учеников было много, и все они держали отвёртки, линейки и мел по-разному, а помнил он почему-то каждого.

— Паша. Если лишняя деталь останется — будильник считать не собранным.

— Не останется, — бодро сказал Паша, и Семён Петрович отметил, что «не останется» в исполнении внука означало обычно «останется, но я объясню, зачем она».

Костюм-тройку 1968 года он надел с привычной осторожностью: костюм был «на юбилей», но юбилей всё не наступал, а носить что-то надо было, и тройка постепенно перешла из парадного фонда в будничный, сохранив, впрочем, статус. Логарифмическую линейку он сунул во внутренний карман — последний честный калькулятор, — стопку проверенных тетрадей с подоконника — в портфель. «Маяк» в радиоточке сообщил, что на улице минус два, и Семён Петрович поёжился заранее.

В коридоре, уже в пальто, он столкнулся нос к носу с тётей Клавой — та выходила из своей комнаты в валенках с галошами, с клетчатой тетрадью под мышкой, и посмотрела на него так, словно он был не старший по дому, а необъявленный диверсант.

— Семён Петрович, — сказала тётя Клава значительно. — Ночью, в два сорок, жужжание. За дверью нового жилья. Общественности доложено.

— Клавдия, — ответил Семён Петрович, глядя на часы, — жужжание в два сорок — это холодильник Савельевых. У него компрессор...

— Компрессор не жужжит по-военному, — отрезала тётя Клава и прошла мимо, в сторону кухни, начиная свой маршрут.

Семён Петрович постоял секунду. Новый жилец. Ящики, которые вчера втаскивали по лестнице вчетвером. Молчаливый человек в телогрейке поверх рубашки с галстуком.

«Инженер, командирован», — сказал он тогда на лестнице, и больше не сказал ничего.

Дано: новый жилец, ящики, жужжание, тётя Клава с тетрадью. Найти: способ досидеть полгода без скандалов.

Семён Петрович вздохнул, поправил портфель и вышел на Пятницкую, на первый урок, на который теперь — он свёрился с «Победой» — опаздывал впритык, с задержкой, но верно.

Глава 2. Человек с ящиками

Вечером Семён Петрович возвращался со школы с одним-единственным планом: сесть за тетради, выпить чаю и не участвовать ни в чём, что выходит за рамки этого плана. План был строгий, доказуемый и — как выяснилось у подъезда — несостоятельный с четвёртой ступеньки.

На четвёртой ступеньке стоял ящик. На ящике — трафарет: «ОСТ 37.001». Рядом с ящиком стояли двое грузчиков и спорили.

— Семь пятьдесят, — говорил первый. — И это я ещё уступаю.

— За что семь пятьдесят? — отвечал второй, похоже, ведя переговоры не с напарником, а с самим ящиком. — На третий этаж — пять. За тяжесть — плюс. За узкую лестницу — плюс.

— За узкую лестницу не бывает надбавки.

— Это у вас не бывает. У нас бывает. Нормы погрузочно-разгрузочных работ.

Семён Петрович постарался пройти мимо по касательной — манёвр, выверенный за тридцать лет коммунальной жизни: ящик справа, стена слева, между ними расстояние ровно в одно плечо. Он уже почти прошёл, когда первый грузчик, не прерывая аукциона, сказал в пространство:

— Гражданин, подержите угол.

«Гражданин» — это была формула, от которой нельзя было отказаться, не нарушив законов той самой маленькой страны. Семён Петрович подержал угол. Потом подержал второй. Потом, когда ящик пошёл вокруг лестничной площадки, как слон вокруг эстрады, и начал коллекционировать ободранную краску с перил, он взялся уже по-настоящему — снизу, ладонями, на весу.

— Что у вас там, свинец? — спросил он, почувствовав спиной всю инженерную мысль Родины.

— Документация, — с достоинством ответил грузчик.

Документация весом в центнер — это было допущение, которое Семён Петрович принял молча, как принимают на экзамене ошибочное решение с правильным ответом: ладно, посмотрим, куда вы с этим придёте.

На площадке их встретила тётя Клава. Она стояла посреди коридора в валенках с галошами, с клетчатой тетрадью наготове — не вышла, а именно стояла, и Семён Петрович понял, что стоит она, по всей видимости, давно и в предусмотренном уставом месте.

— Куда? — спросила тётя Клава у ящика, потому что грузчики были для неё силой природы, а не субъектами жилищовещества.

— К командированному, — сказал первый грузчик. — Вчерашний который. Ты, гражданин, — это Семёну Петровичу, — левее бери, у тебя угол острый.

— По какому праву громоздят на лестнице? — повысила

голос тётя Клава, следуя за процессией. — Лестница — место общего пользования. Я по линии жилтоварищества спрашиваю: кто разрешил?

Дверь нового жилья открылась прежде, чем тётя Клава успела договорить «разрешил». В проёме стоял вчерашний человек — в той же телогрейке поверх рубашки с галстуком, хотя в коридоре топили так, что Семён Петрович давно растегнул пальто.

— Инженер, — сказал человек. — Командирован. Ящики ко мне.

— Какая организация? — немедленно спросила тётя Клава.

— Инженер. Командирован.

— Прописка имеется?

— Командирован, — повторил жилец, и интонация у него была такая, будто это слово одно заменяет паспортный стол, военкомат и отдел кадров. Он взял у грузчика накладную, подписал, не снимая телогрейки, — ручку держал по-рабочему, в натруженных пальцах, — и кивнул на ящик: — Сюда.

Ящик с трудом пропихнули в дверь, задев косяк с таким звуком, что из комнаты Савельевых деликатно выглянула невестка. Семён Петрович, отпустив угол, разогнулся и обнаружил, что всё: он участник. Он стоял в чужой двери, запыхавшийся, с отпечатком стружки на ладони, и тётя Клава смотрела на него с новым, ответственным выражением.

— Семён Петрович, — сказала она официально, когда

дверь за ящиком закрылась. — Вы присутствовали при заселении. Вы — свидетель.

— Клавдия, я держал угол.

— Свидетель, — повторила тётя Клава и раскрыла тетрадь. — Семнадцать сорок. Внесён ящик, маркировка иностранная... — она прищурилась на свою запись. — «ОСТ тридцать семь». Это что за ост такой?

— Отраслевой стандарт, — сказал Семён Петрович. — Отечественный.

Тётя Клава записала и это, не изменившись в лице, чем окончательно лишила его аргумента.

В своей комнате Семён Петрович повесил пальто, вымыл руки и сел за тетради, как и собирался. Тетрадь лежала открытой — «дробно-рациональные уравнения, контрольная, 9 "Б"», — но он поймал себя на том, что вместо решения Минасян рассматривает отпечаток стружки на ладони.

Дано: ящики по отраслевому стандарту, которые весят, как свинец, и пахнут не документацией, а канифолью. Дано: инженер, который в +22 не снимает телогрейку и на все вопросы отвечает одной формулой. Дано: тётя Клава, у которой теперь есть свидетель.

Найти: способ, чтобы всё это прошло мимо его тетрадей, его полугода и его Строгина.

Семён Петрович вздохнул, взял ручку и подчеркнул ошибку Минасяна. Уравнения, по крайней мере, не притворялись тем, чем не были.

Глава 3. Журнал наблюдений

Семён Петрович понял, что на кухне идёт наблюдение, по запаху. Борщ — вещь честная, она не умеет притворяться: если кастрюля стоит на огне ради кастрюли, пахнет свёклой и капустой, а если ради приоткрытой двери — пахнет борщом, который уже двадцать минут как готов и варится дальше по инерции обязанности.

Тётя Клава сидела на табуретке боком к плите, лицом к двери, прикрытой ровно настолько, чтобы в щель проходил коридор и не проходил запах. В руках у неё был половник. Половник в данной расстановке выполнял функцию бинокля.

— Клавдия, у вас борщ, — сказал Семён Петрович, ставя чайник.

— Слабо кипит, — ответила тётя Клава, не оборачиваясь.
— Я слежу.

«Слежу» она произнесла так, что Семён Петрович не сразу понял, за чем именно: за борщом или за коридором. Потом понял, что разницы тётя Клава не видит.

— Садитесь, Семён Петрович, — сказала она, когда он налил чаю и собрался было унести чашку к себе, к тетрадам. — Раз уж вы свидетель заселения, вам положено быть в курсе.

Она вышла из-за стола, плотно прикрыла дверь — наблюдение наблюдением, а тепло по параграфу — и положила пе-

ред ним клетчатую тетрадь. Тетрадь была новая, девяносто шесть листов, из тех, что покупают к ответственным этапам жизни.

— «Журнал наблюдений», — прочла тётя Клава вслух, хотя Семён Петрович и сам умел читать. — Заведён официально. Смотрите.

На первой странице аккуратным, протокольным почерком значилось: «02.40 — жужжание. 03.10 — жужжание усилилось. Общественности доложено». Ниже: «17.40 — внесён ящик, маркировка ОСТ 37.001. Свидетель: Гуревич С. П.».

— Клавдия, — сказал Семён Петрович осторожно, как говорят с задачей, в которой подозреваешь подвох. — Жужжит холодильник у Савельевых. Компрессор. Он жужжит с шестьдесят восьмого года, у него стаж, как у меня.

— Компрессор я знаю, — тётя Клава отмела компрессор одним движением половника, — компрессор жужжит по-нашему. А это жужжит по-ихнему. В два сорок. Вы бы послушали, Семён Петрович, вы человек точный.

— Я человек спящий, — сказал Семён Петрович. — В два сорок я сплю. И вам рекомендую. Знаете, как это называется в науке? Следственный эксперимент над самим собой. Ночь не спим — день не соображаем.

Тётя Клава посмотрела на него долгим взглядом человека, у которого есть ответ, и ответ неприятный.

— Следственный эксперимент назначен на сегодня, — сказала она. — С участием независимых лиц. — Она имела

в виду Савельевых и, по слухам, невестку. — А вы, Семён Петрович, мне вот что скажите, как математик. Девять лет я в очереди на телефон. Девять лет. У меня дочь невеста! Она жениху звонит из автомата, который на углу. По морозу. С двухками. Вчера стояла сорок минут, а связь в Тушино — как до фронта. Это нормально, по-вашему?

— По-моему, не нормально, — честно сказал Семён Петрович.

— То-то. А в ЖЭКе мне сказали прямым текстом: при активной бдительности, Клавдия Степановна, очередь она, знаете, эластичная. Внеочередная телефонизация активистам. — Тётя Клава закрыла тетрадь и похлопала по ней ладонью, как по вескому аргументу. — Так что это не я бдительная. Это жизнь бдительная.

Семён Петрович допил чай. Он мысленно поставил задачу. Дано: женщина шестидесяти пяти лет, медаль «За оборону Москвы», дочь-невеста, девять лет очереди и прямой текст из ЖЭКа. Найти: аргумент, при котором журнал будет закрыт, а его характеристика останется чистой, как стеклянный стакан. Решение не находилось. Возможно, задача была с недостающими данными; возможно, с лишними.

— Клавдия, — сказал он, поднимаясь. — Борщ у вас переварился.

— Пусть, — с достоинством ответила тётя Клава. — Борщ — дело наживное. А тут — государственное.

Ночью Семён Петрович проснулся сам по себе — по-ста-

риковски, в третьем часу, когда дом притих и слышно, как трубы переговариваются между этажами. За ширмой мерно дышал Паша. Семён Петрович повернулся к стене, чтобы досмотреть сон про Строгино — там у него уже была кухня, и на кухне не ночевал никто, — и в этот момент услышал.

Жужжало. Не громко — так жужжит майский жук, севший на стекло с той стороны. Жужжало ровно, деловито, из-за стены, со стороны комнаты командированного. Семён Петрович лежал и уговаривал себя, что это компрессор, который жужжит по-нашему, — но компрессор Савельевых он знал в лицо с шестьдесят восьмого года, и это был не он.

Он встал — строго говоря, чтобы выпить воды, он записал это себе именно так — и вышел в коридор. В коридоре лампочка Ильича под потолком мигала: то разгоралась, то чуть не гасла, как будто сеть вздрагивала в такт чужой работе. Дверь жилья была притворена неплотно, и из щели лился свет, голубоватый, не ламповый. Потом дверь приоткрылась шире, и оттуда вышли двое. Двое с портфелями. Один портфель был толстый, с ремнями, как у военного топографа. Они увидели Семёна Петровича в трусах и майке при мигающей лампочке, вежливо кивнули — один даже шёпотом сказал «до свидания» — и на цыпочках ушли по лестнице, как люди, у которых всё в порядке с совестью и не в порядке со временем суток.

Семён Петрович выпил воды. Потом стоял ещё немного — по чистой случайности под дверью жилья, где жужжание

было слышнее всего, — и ловил себя на том, что стоит. Что прислушивается. Что вот сейчас он, Гуревич С. П., сорок лет у доски, свидетель по делу № «ОСТ 37.001», составляет в уме формулировку для тетради, которой у него нет и не будет.

— Позор, — сказал он себе шёпотом и пошёл спать.

Утром он не собирался ничего говорить. Но тётя Клава на кухне, сияя, раскрыла журнал, где под «03.10» появилась новая строка, свежими чернилами: «03.20 — выход двух лиц с портфелями. Свидетель: Гуревич С. П.».

— Как это свидетель? — слабо сказал Семён Петрович.
— Я выходил пить воду.

— Вы присутствовали, — ответила тётя Клава и закрыла тетрадь, как закрывают дело. — Свидетель всегда выходит пить воду, Семён Петрович. На этом вся криминалистика и держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.